

Г. Спенсер

БУДУЩЕЕ РАБСТВО*

Одним из доказательств, что любовь и жалость родственны между собой, служит то, что вторая, так же, как и первая, идеализирует свой объект. Сочувствие к страдающему лицу заглушает на время воспоминание о его проступках. Чувство, которое выражается при виде несчастного в восклицании «бедный человек!», исключает мысль «дурной человек!», которая могла бы возникнуть в другое время. Поэтому естественно, что если несчастные нам незнакомы или лишь мало знакомы, все их недостатки и проступки остаются скрытыми. Вследствие этого, если в наше время описывают несчастья бедных, то публика воображает этих несчастных непременно достойными уважения и не представляет их себе (что во многих случаях было бы справедливее) недостойными этого чувства. Те, страдания которых описываются в брошюрах и рассказываются в проповедях и речах, раздающихся по всей стране, изображаются непременно чудными людьми, с которыми поступили несправедливо: ни один из них не представляется несущим бремя своих собственных поступков.

Когда вы нанимаете карету в Лондоне, вы с удивлением видите какие-то личности, которые желают получить от вас подачку за то, что они предупредительно отворили вам дверцу кареты. Но вы перестаете удивляться, когда увидите огромное число праздношатающихся вокруг кабаков или заметите, с какой быстротой собирается на улице из соседних дворов и притонов толпа зевак поглазеть на несчастный случай или на процессию. При виде их многочисленности на таком малом пространстве вы начинаете понимать, что десятки тысяч подобного люда кишат в Лондоне. «У них нет работы»,

---

* Публикуется по: Спенсер Г. Будущее рабство // Спенсер Г. Личность и государство. Спб., 1908.

— говорите вы. Скажите лучше, что они отказываются от работы или по своей вине быстро увольняются из мастерских. Это просто негодяи, которые тем или другим способом живут за счет порядочных людей. Это бродяги и глупцы, преступники в прошлом или будущем, юноши, которые обременяют собой тяжелотрудящихся родителей, мужья, которые присваивают заработок своих жен, личности, разделяющие между собой заработок проституток; сюда же примешивается соответствующий класс женщин, менее видный и менее многочисленный.

Разве счастье может быть уделом лиц подобного рода и разве ни естественно, что они сами навлекают несчастье на себя и на своих близких? Разве не очевидно, что среди нас существует масса несчастий, которые произошли естественным образом от дурного поведения и которые неизменно должны быть связаны с ним. В наше время более, чем когда-либо, и с большим, чем когда-либо, треском пропагандируется идея, что всякое социальное страдание может быть устранено и что тот или другой обязан устранить это зло. Оба эти мнения ложны. Отделять страдания от дурного поступка значит бороться против природы вещей и навлечь множество еще более сильных страданий. Избавление людей от естественного наказания за распущенную жизнь делает необходимым, при случае, применение искусственных наказаний вроде одиночного заключения, сдвига мельничных жерновов и кнута. Одна поговорка, признанная как народным обычаем, так и наукой, может считаться неоспоримой истиной: «Кто не хочет работать, не имеет права есть». Эта поговорка просто-напросто христианская формула того естественного закона, под господством которого жизнь достигла своего настоящего пункта, закона, по которому существо, недостаточно энергичное для удовлетворения своих нужд, должно погибнуть. Разница здесь только в том, что закон, который в одном случае должен быть навязан силой, в другом случае является естественной необходимостью. А между тем христиане менее всего склонны признать этот догмат своей религии, который наука оправдывает столь очевидным образом. Ходячее мнение гласит, что страданий не должно быть и что общество ответственно за те страдания, которые существуют.

«Но мы, разумеется, несем известную ответственность даже и тогда, когда страдают люди, недостойные участия».

Если под словом «мы» не только подразумеваемся мы сами, но подразумеваются также и наши предки, и в особенности те из них, которые сочиняли законы, то мне нечего отвечать. Я допускаю, что все, которые издали, изменили и выполнили старый закон о бедных, ответственны за то, что произвели страшную деморализацию, влияние которой не изгладится в нескольких поколениях. Я допускаю, что последние и нынешние законодатели частью ответственны за меры, создавшие постоянное войско бродяг, переходящих от одной ассоциации к другой, и что они также ответственны за постоянное существование между нами преступного элемента, поскольку они допустили освобождение преступников в таких условиях, которые почти заставляют их совершать новые преступления. Кроме того, я допускаю, что и филантропы несут на себе часть ответственности, так как чтобы помогать детям недо-

статочных родителей, они наносят ущерб детям людей, достойных участия, обрекая их родителей все возрастающими местными налогами. Затем я допускаю также, что эти стаи негодяев, выкормленных и умноженных общественными и частными учреждениями, пострадали бы иначе, но разве это именно та ответственность, о которой мы говорим? Я не думаю.

Если теперь мы оставим в стороне вопрос об ответственности, в каком бы смысле ее ни понимали, и если мы будем рассматривать зло только само в себе, то что мы должны сказать о том, как к нему относятся? Возьмем следующий факт.

Один из моих покойных дядей, пастор Томас Спенсер, управлявший в течение двадцати лет заведением Hinton Charlerhouse близ Бата, как только вступил в должность, стал заботиться о благосостоянии бедных: учредил школу, библиотеку, общество раздачи одежды, раздавал земельные участки и строил образцовые коттеджи. Более того, до 1833 г. он был другом бедных, защищая их всегда от сборщика налогов на бедных. Между тем возникли прения о законе для бедных, которые выявили недостатки существовавшей в то время системы. Будучи горячим филантропом, он тем не менее не был робким сентименталистом, поэтом — как только был издан новый закон о бедных, он начал применять его в своем приходе и встретил почти всеобщее сопротивление: против него оказались не только бедняки, но также и фермеры, на которых легло бремя тяжелых налогов в пользу бедных. И действительно, им, по-видимому, было выгоднее поддерживать старую систему, налагавшую на них столь тяжелые обязательства. Вот чем это объясняется. Среди населения установился обычай платить вместе с налогом часть заработной платы каждого деревенского рабочего: эта сумма называлась «дополнением к заработной плате». Хотя фермеры доставляли большую часть сумм, из которых черпалось это дополнение к заработной плате, однако в этих платежах участвовали и другие плательщики, поэтому для фермеров эта система, вероятно, была выгоднее. Мой дядя, которого не так-то легко было испугать, вступил в борьбу с этой оппозицией и добился применения закона. В результате оказалось, что подати с 700 ф. ст. уменьшились на 200 ф. ст. и состояние прихода значительно улучшилось. «Те, которые до сих пор шлялись без дела по улицам или по кабакам, занялись другим делом и один за другим принялись за работу». Таким образом, из населения в 800 душ, из которых человек сто получали прежде пособие на дому, только 15 пришлось отправить в Бат, когда там образовался Союз. Если мне скажут, что телескоп в 20 ф. ст., который был подарен моему дяде несколькими годами позднее, доказывал только благодарность плательщиков податей, то я отвечу, что когда мой дядя некоторое время спустя умер, надорвавшись от непосильной работы для народного блага, и когда тело его привезли хоронить в Гинтон, за гробом его шли не одни только богатые, но также и бедняки.

Несколько причин побудили меня рассказать этот факт. Мне хотелось доказать, во-первых, что любовь к народу и бескорыстные заботы о его благосостоянии не бывают неизбежно связаны с одобрением бесплатной помощи, во-вторых, что добро может быть результатом не увеличения искусственных

средств для облегчения нужды, а наоборот, следствием уменьшения этих средств, и, наконец, в-третьих: я хотел подготовить почву для аналогичного рассуждения.

В другом виде и в иной сфере мы расширяем теперь год от года систему, совершенно тождественную системе «дополнительных заработных плат» (make—wages), существовавшей при прежнем законе о бедных. Хотя политики и не признают этого факта, но трудно доказать, что различные общественные меры для обеспечения комфорта рабочему классу, оплачиваемые плательщиками податей, в сущности, тождественны тем, которые некогда применялись к сельскому рабочему, считавшемуся отчасти рабочим, отчасти нищим. В том и другом случае рабочий взамен того, что он делает, получает деньги, чтобы купить известное количество нужных для него предметов, а для предоставления ему остального даются деньги из общего фонда, составленного из налогов.

Не все ли равно, какого рода будут предметы, доставляемые даром плательщиками податей? Принцип один и тот же. Заменяем выплачиваемые суммы товарами и другими покупными благами и посмотрим, что из этого выйдет. Когда был в силе старый закон о бедных, фермер давал за выполненную работу соответствующую плату в виде жилья, хлеба, одежды или топлива, тогда как плательщики податей доставляли рабочему и его семье обувь, чай, сахар, свечи, сало и т. д. Разумеется, распределение количества и качества этих предметов было произвольно, но несомненно также, что фермеры и плательщики податей доставляли эти предметы сообща.

В настоящее время рабочий получает от хозяина в виде заработной платы эквивалент необходимых ему предметов потребления, тогда как общество предоставляет ему возможность удовлетворять другие потребности, другие желания. На средства плательщиков он в некоторых случаях, а скоро и во многих случаях, будет иметь возможность приобрести дом ниже его продажной цены; ибо когда, например, в Ливерпуле муниципалитет тратит около 200 000 ф. ст. на разрушение и построение вновь жилищ низших классов и готовится истратить еще столько же, мы можем заключить, что плательщики податей дают бедным более удобное жилище, чем они могли бы иметь за обычную квартирную плату. Эти же плательщики податей несут, кроме того, большую часть расходов по обучению детей рабочих, и по всей вероятности это ученье вскоре будет совершенно бесплатным. Они дают им также всевозможные книги и газеты, приличные помещения, где они могут читать. В некоторых случаях, так же как, например, в Манчестере, были основаны гимназии для мальчиков и девочек и места рекреаций. Из этого мы видим, что рабочий благодаря капиталу, составленному из местных налогов, пользуется известными преимуществами, которые он не может получать за деньги, получаемые от своего труда. Следовательно, единственная разница между этой системой и старой системой «дополнения к заработной плате» есть та же, которая существует между родами полученного удовлетворения, а эта разница нисколько не изменяет сущность системы.

Кроме того, в обеих системах преобладает одна и та же иллюзия. И в том

и в другом случае то, что кажется бесплатным даром, не есть бесплатный дар. Сумма, которую при старом законе о бедных рабочих полунищий получал от прихода в дополнение своего дневного заработка, в действительности вовсе не есть прибавка к зарплате, поскольку следствием являлось соответственное уменьшение заработной платы, как это и доказано было тем, что когда система была отменена, заработная плата повысилась. Такое же значение имеют и те кажущиеся уступки, которые делаются рабочим в городах. Я намекаю не только на факт, что они платят за них незаметным образом, частью в виде более высокой платы за квартиру (когда они не платят налогов), но и на то, что заработная плата, как, например, плата работника на ферме, уменьшается благодаря тем общественным налогам, которые платят работодатели. Прочитайте последние отчеты о хлопчатобумажной стачке в Ланкашире. Они содержат доставленные самими рабочими доказательства того, что выгоды настолько незначительны, что менее ловкие фабриканты, а также и те, которые владеют недостаточными капиталами, разоряются и что кооперативные общества, составляющие им конкуренцию, редко могут устоять. А теперь сделайте из этого выводы относительно заработной платы. К издержкам производства следует относить общие и местные налоги. Если, как в наших больших городах, местные налоги достигают в настоящее время одной трети заявленных доходов или больше, то работодатель должен платить эту треть не только за свое личное жилище, но и за свое торговое помещение, за свою фабрику, за свои склады и т. д. Эту сумму приходится вычестить из процентов на капитал или взять из фондов заработной платы либо взять ее частью отсюда, частью отсюда. Если же конкуренция между капиталистами в одной и той же отрасли промышленности или в разных отраслях держит прибыль на таком низком уровне, что в то время, как одни наживают, другие терпят убытки, и многие разоряются, и если капитал, не получая достаточной прибыли, ищет другого применения и оставляет рабочую силу без употребления, тогда становится очевидным, что рабочий вынужден выбирать между меньшим количеством труда или меньшей платой за труд. Кроме того, местные налоги по аналогичным причинам повышают цены на предметы потребления. Цены, назначаемые торговцами, определяются в общем обычном проценте прибыли на капитал, вложенный в розничную торговлю, а чрезвычайные расходы розничной торговли должны возмещаться чрезвычайным повышением цен. Таким образом, теперь городской рабочий, так же, как прежде сельский рабочий, теряет с одной стороны то, что получает с другой, к этому следует прибавить еще расходы на администрацию и бесполезные траты, которые она вызывает. Но какое же отношение все это имеет к «будущему рабству?» — спросите вы. Никакого прямого, но во многих случаях косвенное отношение, как мы увидим это ниже.

Говорят, что в те времена, когда железные дороги были впервые проведены в Испании, крестьяне часто попадали под поезд и эти несчастные случаи приписывали машинистам, которые не останавливали локомотив, так как земледельческая практика не давала пострадавшим никакого понятия об импульсе, сообщенном тяжелой массе, движущейся с большой быстротой.

Мне припоминается этот факт, когда я рассматриваю идеи так называемых «практических» политиков: я вижу, как эти люди не имеют ни малейшего понятия о том, что такое политический момент, и еще менее знают о таком политическом моменте, который, вместо того чтобы уменьшаться или оставаться постоянным, все увеличивается. Теория, в соответствии с которой обыкновенно действует политик, заключается в том, что изменение, производимое принятой им мерой, остановится на том пункте, на котором он хочет, чтобы оно остановилось. Он внимательно изучает, каковы будут результаты его действия, но он вовсе не думает об отделенных последствиях его меры и еще менее о сопровождающих ее явлениях. Когда во время войны было необходимо иметь в изобилии пушечное мясо, старались повысить рождаемость, но когда Питт сказал: «Будем стараться, чтобы помощь, оказываемая многочисленным семьям, была почетным правом, а не клеймом позора и презрения», то никто не думал, что налог в пользу бедных за пятьдесят лет вырастет в четверо, что в расчете на помощь кассы неимущих каждый предпочтет жениться на женщинах с множеством незаконнорожденных детей, а не на честных девушках, и что множество плательщиков податей превратятся в неимущих. Законодатели, которые в 1883 г. вотировали 20000 ф. ст. на постройку школьных домов, не предполагали, что эта мера повлечет за собой чрезмерные налоги, общие и местные, доходящие теперь до суммы в 6 млн ф. ст.

Они вовсе не имели в виду установить тот принцип, что должен нести ответственность за обучение детей, они не думали о принуждении, которое лишит бедных вдов помощи их детей, достигших уже довольно значительного возраста, и еще менее ожидали, что их преемники, заставляя неимущих родителей обращаться к распорядителям имуществом бедных для того, чтобы внести школьную плату, требуемую школьными комитетами, введут привычку обращаться к этим распорядителям и таким путем посодействуют развитию пауперизма. А те, которые в 1834 г. издали закон, регулирующий работу женщин и детей на определенных фабриках, не воображали, что таким образом введенная система должна окончиться ограничением и инспекцией труда во всяком промышленном учреждении, где работает более пятидесяти человек. Они не предполагали также, что инспекция может быть доведена до требования того, чтобы «молодая особа», желающая получить работу на фабрике, имела разрешение врача, который личным осмотром (никакими правилами не ограниченным) удостоверился бы, что она не страдает никакой болезнью, никаким телесным недостатком, делающими ее неспособной к труду, причем его приговор решает вопрос: может или не может данная молодая особа зарабатывать свой хлеб. И, как я сказал уже, политик, хвастающий своими практичными взглядами, еще менее может предвидеть косвенные результаты, являющиеся следствием прямых результатов его мер. Например, возьмем случай, имеющий отношение к вышеприведенным: система «уплаты по результатам» имела в виду только лишь дать энергичный стимул преподавателям, но предполагая, что этот стимул вредно отзовется на здоровье детей, никому и в голову не приходило, что учителя могут при-

нять систему «неудобоваримого преподавания» и будут оказывать чрезмерное давление на слабых и неспособных детей, весьма часто к их вреду; никто не предвидел, что во многих случаях следствием этой системы являлось физическое ослабление, которое не может быть возмещено знанием грамматики и географии.

Запрещение открывать кабаки без разрешения имело целью сохранить порядок в общественных местах. Те, которые придумали эту меру, не могли подумать, что она может оказать могучее и вредное влияние на выборы. «Практичные» политики, предписавшие обязательную линию нагрузки для торговых судов, и не воображали, что кредит судовладельцев доведет эту линию нагрузки до крайнего предела и что от прецедента к прецеденту, все в том же направлении, эта линия будет подниматься постепенно в лучших судах, что — как мне известно — уже и имеет место. Законодатели, которые сорок лет тому назад законом принудили железнодорожные компании устанавливать низкую проездную плату, рассмеялись бы, если бы им сказали, что их закон может навлечь наказание на тех, которые будут применять его в самом широком смысле. А между тем это именно и случилось с компаниями, которые начали допускать третий класс в скорых поездах: на них наложили пеню, равняющуюся цене проездного билета для каждого перевезенного таким образом пассажира. К примеру из железнодорожной практики присоединим факт, вытекающий из сравнения способа управления железными дорогами в Англии и во Франции. Законодатели, принявшие меры к окончательному возвращению французских железных дорог государству, никогда не думали, что это могло повести к уменьшению выгод для пассажиров. Они не предвидели, что желание необесценить собственность, которая должна будет возвратиться государству, помешает разрешению строить соперничающие железнодорожные линии, и что за отсутствием конкуренции передвижение будет относительно медленным, дорогим и поезда ходить будут менее часто. Английский путешественник, как это доказал сэр Томас Фаррер, имеет сравнительно с французским большие преимущества в отношении стоимости, скорости и регулярности следования поездов.

Но «практичный» политик несмотря на подобные опыты, повторяющиеся из поколения в поколение, продолжает принимать во внимание одни только ближайшие результаты и конечно не думает о еще более отдаленных, еще более общих последствиях, нежели те, которые мы только что приводили в пример. Пользуясь вышеприведенной метафорой, мы заметим, что он никогда не задает себе вопроса, будет ли политический момент, вызванный его мерой, моментом иногда уменьшающимся, но в иных случаях и сильно увеличивающимся, или же будет следовать общему направлению других аналогичных моментов, и не может ли он присоединиться к этим моментам, чтобы произвести в скором времени сложное движение, совершающее перемены, о которых никто и не помышлял. Он рассматривает единственное действие течения, произведенного его собственными законами, не видя, что другие течения, уже существующие и еще другие, следующие данному импульсу, идут по тому же направлению, и ему никогда не приходит в голову, что все

эти течения могут соединиться и составить поток, который совершенно изменит все сложившиеся условия. Иначе говоря, без метафоры: он не сознает ту истину, что помогает создать известный тип социальной организации и что аналогичные меры, производя аналогичные изменения организации, все сильнее и сильнее стремятся сделать этот тип общим, до тех пор, пока в известный момент стремление делается настолько сильным, что ничто не может противостоять ему. Как каждое общество старается по возможности установить в других обществах строй аналогичный своему собственному, как в Греции спартанцы и египтяне друг перед другом старались распространять свои собственные политические учреждения или как в эпоху французской революции абсолютные монархии Европы старались восстановить абсолютную монархию во Франции, тогда как республика поощряла образование других республик, точно так же во всяком обществе всякий строй стремится к распространению. Как система добровольной кооперации, установленная товариществами или ассоциациями с промышленными, коммерческими или другими целями, распространяется в целой общине, точно так же распространяется и противоположная система принудительной кооперации под руководством государства, и чем более распространяется та или другая, тем большую она приобретает силу. Главным вопросом для политического деятеля должен быть всегда следующий: «Какой тип социального строя я стремлюсь распространить?» Но этого вопроса никогда никто себе не задает.

Мы постараемся разобрать данный вопрос. Рассмотрим общую тенденцию последних изменений, а также сопровождавшее их течение идей, и мы увидим, куда нас это приведет. Возьмем в самой простой его форме вопрос, который ставится каждый день: «Мы уже сделали это, почему бы нам ни сделать и то?» И всегда подразумевающееся уважение к прецедентам побуждает неизменно расширять сферу регламентации. Распространяясь на все большее и большее число отраслей промышленности, парламентские акты, ограничивающие часы работы и предписывающие способы обращения с рабочими, должны теперь применяться к магазинам. От инспектирования мебелированных домов с целью ограничить число жильцов и установить условия гигиены мы перешли к инспектированию всех домов, ниже известной цифры найма, в которых живут несколько семей, а вскоре перейдем и к инспекции всех маленьких домов. Приобретение и эксплуатация телеграфов государством послужили основой для требования, чтобы государство приобрело и эксплуатировало также и железные дороги. Доставка общественной администрацией умственной пищи детям в некоторых случаях повела за собой доставку и телесной пищи для них; а когда обычай этот делается постепенно всеобщим, мы дождемся и того, что бесплатная доставка, предложенная в первом случае, будет предложена и во втором. Это распространение есть логическое следствие правила, что для того чтобы создать доброго гражданина, крепкое тело так же необходимо, как и солидный ум. А затем, открыто опираясь на прецеденты, представляемые церковью, школой и библиотекой, содержащимися на общественный счет, выставляют положение,

что «удовольствие, в том смысле, в каком оно понимается в наше время, должно быть регулировано и организовано так же, как и труд».

Эти злоупотребления регламентацией следует приписать не только прецедентам, но и необходимости дополнить недостаточно действенные меры, устранить различные неудобства, постоянно вызываемые искусственно. Неудача не разрушает веры в примененные средства, но внушает мысль применять их более строгим образом или в большем числе случаев. Так как законы против пьянства, изданные еще в старинные времена и удержавшиеся до нашего времени, когда новые ограничения продажи опьяняющих напитков занимают многие ночи во время каждой сессии, не дали ожидаемых результатов, стали требовать еще более строгих законов, запрещающих абсолютно продажу алкоголя в известных местностях. А затем и в Англии, по всей вероятности, станут добиваться, так же как и в Америке, чтобы такое запрещение стало всеобщим. Поскольку различные средства для «искоренения» эпидемий не могли помешать оспе, лихорадкам и т. п. производить свои опустошения, выставили новую меру: право дать полиции осматривать дома, чтобы удостовериться, нет ли там заразных больных, а также разрешить врачам осматривать любое лицо, чтобы удостовериться, не страдает ли оно инфекционной болезнью. Так как закон о бедных в течение многих поколений развил привычку к беспечности и число беспечных людей вследствие этого закона увеличилось, то теперь предлагают устранить причиненное обязательной благотворительностью зло путем обязательного страхования жизни или доходов.

Развитие этой политики, способствуя развитию соответствующих идей, всюду поддерживает то мнение, что правительство должно вмешиваться каждый раз, когда что-нибудь идет не так как следует. «Вы, конечно, не желали бы, чтобы это зло продолжалось!» — говорят вам, когда вы возражаете против того, что делается в данный момент. Что подразумевает это восклицание? Во-первых, оно предполагает несомненным, что всякое страдание должно быть пресечено, а это неверно; многие страдания излечимы; пресекать их значит мешать действию лечения. Во-вторых, оно признает несомненным, что все страдания могут быть облегчены; между тем при недостатках, присущих человеческой природе, многие страдания могут только изменить форму или переместиться, причем подобная перемена иногда увеличивает их интенсивность. Восклицание это содержит в себе также твердую уверенность, что правительство должно излечивать и устранять всякого рода зло. Никто не спрашивает себя, есть ли другие способы исправить зло определенного рода и принадлежит ли данное зло к числу тех зол, которые предлагаемое средство может устранить. Очевидно, что чем чаще вмешивается правительство, тем глубже укореняется это воззрение и тем настойчивее требуется правительственное вмешательство.

Всякое расширение административной регламентации ведет за собой учреждение новых регулирующих агентов, более обширное развитие чиновничества и усиление группы чиновников. Возьмите две чашки весов; положите большую пригоршню дробы на одну и несколько дробин на другую, берите

одну дробинку за другой с более нагруженной чашки и перекладывайте их на менее нагруженную. В известный момент получится равновесие, а если вы продолжите эту операцию, то взаимное положение обеих чашек изменится в обратную сторону. Представьте себе, что коромысло весов разделено на две неравные части и что менее нагруженная чашка висит на конце более длинной части коромысла; тогда перемещение каждой дробины будет производить гораздо более скорое изменение в положении чашек. Я пользуюсь этим сравнением, чтобы показать, какой результат достигается перемещением одного индивида за другим, из управляемой массы общества в состав правящего механизма. Перемещение ослабляет первую и усиливает вторую гораздо более, чем это можно было бы думать судя по относительно незначительному изменению в числе. Сплоченная, относительно немногочисленная группа чиновников, связанных одинаковыми интересами и действующих под руководством центральной власти, имеет громадное преимущество над разрозненной массой общества, не имеющей незыблемых правил поведения и не способной действовать согласованно, иначе, как под влиянием сильного возбуждения. Вот почему организация чиновников, перейдя за известный фазис развития, становится несокрушимой, как мы видим это в бюрократиях на континенте.

Не только сила сопротивления управляемой части населения уменьшается соответственно увеличению силы правящей его части, но и частные интересы многих частных лиц ускоряют изменения пропорции. Разговоры, которые вы услышите всюду, показывают, что в наше время, когда правительственные места раздаются по конкурсу, молодых людей воспитывают так, чтобы они могли выдержать конкурсные экзамены и получить места в общественных учреждениях. Результатом является то, что люди, которые при иных условиях были бы недовольны развитием чиновничества, начинают смотреть на него если и не благосклонно, то, по крайней мере, с терпимостью, поскольку оно предоставляет возможность карьеры для их родных или близких. Все, знающие, насколько в высших и средних классах семьи желают заручиться местами для своих детей, должны ясно видеть, что расширение правительственного контроля пользуется сильной поддержкой со стороны тех, которые, если были бы затронуты их личные интересы, относились бы к нему враждебно.

Стремление к чиновничьей карьере увеличивается еще предпочтением, оказываемым тем должностям, которые считаются почетными. «Даже если жалование его будет и невелико, то, по крайней мере, занятие его будет благородно» — убеждает себя отец, добывающийся правительственного места для своего сына. И относительная почетность чиновничьей профессии в сравнении со служащими в торговом деле увеличивается по мере того, как административная организация приобретает большее значение и влияние в обществе и все более и более стремится устанавливать понятие о чести. Честолюбивая мечта всякого молодого француза заключается в том, чтобы получить маленькую официальную должность в своем местечке, добиться затем места в главном городе департамента и, наконец, быть переведенным

на какой-нибудь высший административный пост в Париже. В России, где развитие административной регламентации, являющееся характерной чертой активной части общества, доведено до крайних пределов, мы встречаем крайнюю степень такого административного честолюбия. Например, Валасс (Wallace) цитирует следующее место одной комедии: «Все люди, даже лавочники и сапожники, стремятся занять какую-нибудь казенную должность, и человек, проведший всю жизнь, не занимая никакого официального поста, почти что не считается человеком».

Различным влиянием, действующим сверху вниз, соответствуют надежды и прошения, возносящиеся снизу вверх. Люди, несущие тяжелый труд и обремененные обязательствами, составляющие огромное большинство, а тем более люди неспособные, получающие постоянно помощь и жаждущие еще более широкой помощи, поддерживают все проекты, от которых ожидают того или другого благополучия при посредстве административного вмешательства. Подобные люди готовы верить всякому, кто говорит, что эти благодеяния могут и должны быть им оказаны. Они, безусловно, доверяют всем, тешащимся политическими химерами, от оксфордских ученых до непримиримых ирландцев, и каждый раз, когда они видят, что общественные деньги служат для их пользы, они укрепляются в надежде на подобные же меры и в будущем. И по мере того, как усиливается вмешательство государства в общественные интересы, растет у граждан и уверенность, что все должно делаться для них и ничего не требуется от них. Мысль, что желанная цель должна быть достигнута личной энергией или ассоциациями частной инициативы, делается с каждым поколением все более и более чуждой людям, тогда как убеждение, что эта цель должна быть достигнута при помощи правительства, становится все более и более привычным, и, наконец, вмешательство правительства начинает считаться единственно приемлемым способом. Это движение самым ярким образом выразилось на последнем конгрессе рабочих ассоциаций в Париже. В отчете своим доверителям английские делегаты говорили, что между ними и их иностранными коллегами «спорным пунктом являлся вопрос о том, в какой мере следует требовать от государства охраны труда». Они намекали этим на столь поразительный в протоколах конгресса факт, что французские делегаты всегда приводили правительственную власть как единственное средство удовлетворить их желания.

Распространение образования действовало, и будет действовать, в том же смысле. «Мы должны давать образование нашим правителям», — так сказал один либерал, вотировавший против освобождения от податей. Да, если бы образование было достойно этого имени и если бы оно давало необходимые политические сведения, от него многого можно было бы ожидать. Но знать правила синтаксиса, уметь верно подсчитать итог, иметь кое-какие географические познания и память, напичканную датами восшествия королей на престол и побед полководцев, — все это столько же означает способность к политике, сколько талант к рисованию дает ловкость и быстроту для телеграфирования или сколько умение играть в крокет способствует хорошей игре

на скрипке. «Нет сомнения, — возражают мне, — что возможность читать открывает путь к политическим знаниям». Правда, но пойдут ли по этому пути? Застольные беседы доказывают, что из десяти человек девять читают то, что их забавляет или интересует, а не то, что дает им знание, и что менее всего они читают то, что содержит неприятные для них истины или рассеивает их неосновательные надежды. Что народное образование распространяет в публике сочинения, поддерживающие скорее приятные иллюзии, нежели такие, которые указывают на жестокую действительность, — в этом не может быть никакого сомнения. Один ремесленник пишет в *Pall Mall Gazette* (3 декабря 1883 г.): «Хорошее элементарное образование внушает стремление к умственному развитию, а умственное развитие возбуждает потребность во многих вещах, совсем еще недоступных для рабочих... в горячей борьбе, которую ведет настоящее поколение, для бедных классов совершенно невозможно достигнуть их — вот почему они недовольны настоящим положением вещей, и чем образование их обширнее, тем более они недовольны. Поэтому многие из нас смотрят на Рескина и Морриса как на пророков».

Современное положение Германии дает достаточно очевидное доказательство, что между причиной и следствием наблюдается именно то соотношение, о котором говорит эта статья.

Поскольку люди, которых уверяют, что будущее социальное преобразование принесет им громадное благодеяние, обладают избирательным правом, то результат получается следующий: чтобы овладеть их голосами, кандидат должен по меньшей мере воздержаться от того, чтобы доказать им ложность их верований, если он не уступит соблазну уверить их, что он сходится с ними в своих убеждениях. Каждый кандидат в парламенте вынужден предлагать или поддерживать какой-либо новый закон как насущно необходимый. Более того: даже главы партий, как те, которые стараются сохранить власть, так и те, которые стремятся к ней, каждый со своей стороны и друг перед другом стараются приобрести приверженцев. Каждый добивается популярности, обещая более, чем его противник. Затем, как это доказывают разногласия в парламенте, традиционная верность вождю мешает подвергнуть сомнению внутреннюю ценность предложенных мер. Некоторые представители настолько бессовестны, что подают голос за предложения, которые они считают дурными в принципе, потому что нужды партии и желание быть переизбранным требуют, чтобы они поступали так. Следовательно, плохую политику защищают даже те, кто видит ее недостатки.

Вместе с тем в публике идет деятельная пропаганда, находящая себе опору во всех этих влияниях. Коммунистическая теория, частью усвоенная одна за другой парламентом и безмолвно, если не открыто, поддерживаемая многими политическими деятелями, старающимися приобрести сторонников, получает более или менее шумную поддержку со стороны народных вождей и проводится далее стараниями организованных обществ. Такова, например, агитация в пользу национализации земли. С отвлеченной точки зрения проповедуемая система справедлива, но, как это всем известно, мистер Джордж и его друзья хотят установить эту систему, игнорируя совершенно права ны-

нешних владельцев и кладя ее в основу проекта, ведущего прямым путем к государственному социализму. Кроме того, мы имеем демократическую федерацию Гайндгема и его последователей. Они говорят, что «кучка грабителей, держащих в своих руках землю, не имеют и не могут иметь иных прав, кроме грубой силы против нескольких десятков миллионов, которых они обирают». Они выступают против «акционеров, которым позволили наложить руку на большие железнодорожные сообщения». Они восстают «в особенности против деятелей класса капиталистов, банкиров, фермеров, владельцев рудников, предпринимателей, буржуазии, владельцев заводов, этих современных рабовладельцев, которые стремятся наживать все больше и больше за счет наемных рабов, которыми они пользуются». Они думают также, что «давно пора освободить промышленность из-под господства индивидуальной алчности».

Нам остается доказать еще, что эти различные тенденции находят ежедневную поддержку в печати. Журналисты, всегда остерегающиеся сказать что-либо, что могло бы не понравиться их читателям, по большей части следуют за течением и усиливают его. Они обходят молчанием, если и не защищают открыто, те самые меры, которые осудили бы раньше. Об учении либерализма они говорят уже как об отжившей доктрине. «Идея социализма более не пугает людей», — вот что мы читаем сегодня, а завтра тот город, который не допускает у себя свободных библиотек, уже осыпают насмешками за его испуг перед этой умеренно-коммунистической мерой. Наконец, преимущество публикой отдается тем газетам, которые утверждают, что эта эволюция совершается и должна быть признана. Однако те, которые считают пагубным это созданное законодательством новое течение и которые предвидят, что будущее течение будет еще опаснее, молчат в убеждении, что бесполезно рассуждать с людьми, находящимися в состоянии политического опьянения.

Посмотрите, сколько условий способствуют ускорению совершающегося преобразования. Во-первых, мы видим расширение регламентации, авторитет которой, благодаря прецедентам, становится тем сильнее, чем дольше существовала принятая система; затем — постоянную потребность в стеснении и административных ограничениях, вытекающую из непредвиденных зол и неудобств, созданных прежними стеснениями и ограничениями. Кроме того, всякое новое вмешательство государства укрепляет мнение, что государство обязано устранять всякое зло и утверждать всякое благо. По мере того как административная организация, развиваясь, приобретает большую силу, остальная часть общества теряет способность противодействовать ее захватам и контролю. Увеличению числа должностей, открывающихся благодаря развитию бюрократии, способствуют правящие классы, которым она дает возможность доставлять своим друзьям и близким прочные и почетные места. Граждане вообще привыкнут смотреть на получаемые через посредство общественных агентов блага как на блага даровые, постоянно соблазняются надеждой получить еще больше. Распространение образования, более способствующего распространению приятных заблуждений, чем горьких

истин, укрепляет эти надежды и делает их достоянием всех и каждого. А хуже всего то, что подобные надежды поддерживаются кандидатами на выборах, желающими таким образом усилить свои шансы успеха, и влиятельными государственными людьми, ищущими этим путем популярности ради какой-нибудь партийной цели. Видя, что их мнения нередко подтверждаются новыми, согласными с их образом мыслей, законами, люди, одержимые политическим бешенством, и неосмотрительные филантропы продолжают агитировать с усиливающейся энергией и возрастающим успехом. Журнализм, всегда представляющий собой отголосок и орган общественного мнения, укрепляет его с каждым днем, тогда как противоположное мнение становится все менее и менее значимым, не находя себе защитников.

Таким образом, различные влияния способствуют увеличению коллективного принуждения и уменьшению личной инициативы. И этой перемене со всех сторон помогают составители проектов, из которых каждый думает только о своем собственном проекте, а отнюдь не об общем преобразовании, которое он подготавливает по своему собственному плану и по другим, однородным с ним планам. Говорят, что французская революция «пожрала своих собственных детей». Здесь, по-видимому, готовится подобного же рода катастрофа. Многочисленные преобразования, произведенные парламентскими актами в связи с другими готовящимися изменениями, скоро приведут к государственному социализму и утонут в большой, поднятой незаметно ими самими, волне.

Но зачем называть это изменение «будущим рабством» — снова спросят многие. Ответ очень прост. В каждом социализме подразумевается рабство.

Что составляет идею рабства? Мы прежде всего представляем себе ее в виде человека, которым владеет другой человек. Однако для того чтобы это владение не было только номинальным, следует сделать его действительным путем контролирования действий раба, причем контроль этот производится обычно в целях выгоды контролирующего. Действительно же характерной чертой раба является то, что он работает по принуждению, чтобы удовлетворить желания другого. Это отношение зависимости имеет различные степени. Если мы вспомним, что вначале раб был пленником, жизнь которого зависела от того, кто взял его в плен, то достаточно будет заметить при этом, что существует тяжелая форма рабства, когда на раба смотрят как на животное и он должен тратить все свои силы на пользу своего господина. При менее суровой системе рабу, хотя он и трудится главным образом на господина, дается немного времени, чтобы работать для самого себя, дается и маленький участок земли, который он может обрабатывать, чтобы иметь дополнительное подспорье к пище. Позднее ему было предоставлено право продавать продукты своего клочка земли и оставлять себе вырученные за продажу деньги. Затем следует еще более умеренная форма рабства, которая заключается в том, что человек, будучи свободным возделывателем собственной земли, побежден и обращен в рабство. В этом случае он должен был ежегодно доставлять определенное количество работы или продуктов, или того и другого вместе, используя оставшееся для себя. Наконец, в некоторых

случаях, как, например, в России до сравнительно недавнего времени, крепостной получал позволение оставить имение своего владельца и работать или торговать в другом месте при условии уплаты ежегодной подати (оброка). Почему же мы называем в этих случаях рабство более или менее суровым? Очевидно, наше мнение определяется степенью принуждения, когда человек работает в пользу другого, вместо того чтобы работать в свою собственную пользу. Если вся работа раба отдается господину, рабство тяжелее, а если отдается лишь небольшая доля его, то оно легче. Далее, предположим, что владелец умирает и что имение его вместе с рабами переходит в руки душеприказчиков, или же предположим, что имение и все, что оно содержит, куплено компанией, — разве судьба раба улучшится, если количество обязательного труда останется тем же? Предположим, что вместо компании мы имеем общину. Разве это изменит что-либо для раба, если время, которое он должен отдавать работе на другого, так же длинно, а время, которым он может располагать, так же мало, как и прежде. Главный вопрос состоит вот в чем: сколько времени он должен работать для других и сколько времени он может работать для себя? Степень его рабства колеблется сообразно с отношением между тем, что он должен дать, и тем, что он может оставить для себя; а кто его господин: личность или общество, — это не имеет значения. Если он должен отдавать весь свой труд обществу и получает из общего достояния ту часть, которую общество ему назначает, — он раб общества. Социалистическая организация требует подобного рода рабства, и таково и есть рабство, в которое мы впали благодаря одной нововведенной мере и еще более благодаря некоторым предложенным мерам. Рассмотрим сначала их ближайшие, а затем и их более отдаленные последствия.

Система, введенная законами о жилищах рабочих, может развиваться и без сомнения разовьется. Делаясь строителями домов, городские советы естественным образом понижают стоимость иначе построенных домов и останавливают постройку других домов. Каждое предписание, касающееся способа постройки и расположения квартир, уменьшает выгоды строителя и побуждает его вложить свой капитал в другое дело, которое не понижало бы его прибылей. Точно так же домовладелец, находя, что маленькие дома доставляют больше забот и больше убытков вследствие подчинения инспекции, вмешательства администрации и связанных с этим расходов, видит, что его имущество делается день ото дня все менее прибыльным, и стремится продать его; но так как те же причины отпугивают покупателей, он вынужден продавать с убытком. Далее, эти все более и более многочисленные правила, которые приведут, может быть, как предполагает лорд Грей, к требованию, чтобы домовладелец поддерживал хорошее санитарное состояние своего дома изгнанием нечистоплотных жильцов и прибавил к прочим своим обязательствам обязательство осматривать нечистоты, несомненно, вызовут новые предложения продажи и еще более напугают покупателей; следствием всего этого явится обесценивание собственности. Какой же получится результат? Так как постройка домов, и в особенности маленьких домов, будет встречать все более многочисленные затруднения, население потребует от

местных властей нивелировать этот недостаток. Городские и другие советы должны будут строить все большее число домов или покупать дома, не находящие по вышеупомянутым причинам покупателей, и им действительно ввиду падения ценности домов будет выгоднее купить их, нежели строить новые. К тому же эта процедура поведет за собой еще одно следствие: всякий местный налог обесценивает собственность. Кроме того, вследствие этих обстоятельств местные власти станут обладать большим числом домов, и это составит хороший прецедент для того, чтобы доставлять за счет общины дома сельскому населению, как предлагает радикальная программа и как того требует демократическая федерация. Последняя настаивает на принудительной постройке полноценных жилищ для сельских рабочих и ремесленников сообразно с величиною населения: очевидно, то, что уже сделано, что делается теперь и что должно быть сделано в скором времени, имеет целью осуществление социалистического идеала, в соответствии с которым община есть единственный домовладелец.

Таково было бы и следствие системы, касающейся владения землей и ее эксплуатации. Увеличивающееся число общественных учреждений требовало бы также и большего числа общественных агентов, содержащихся на все более и более отягощаемый общественный бюджет, а вследствие этого уменьшалась бы доходность земли до тех пор, пока благодаря обесценению земли сопротивление изменению формы владения делалось бы все слабее. И теперь уже, как известно, во многих местах трудно иметь фермеров, даже сильно понижая арендную плату, и участки более низкого достоинства остаются в некоторых случаях невозделанными или, когда их возделывает сам владелец, они часто приносят убыток. Очевидно, что доход с земельной собственности недостаточно велик, чтобы взимать с него — для содержания многочисленных административных должностей — тяжелые местные подати, которые поглощают его до такой степени, что владельцы земли стараются продать ее и извлечь наибольшую выгоду из таким образом реализованного, весьма уменьшенного капитала: они эмигрируют и покупают земли, не обложенные тяжелым налогом. Такой образ действий неизбежно приведет к тому, что земли худшего качества останутся невозделанными, и тогда предъявленное мистером Арчи требование делается более общим. Мистер Арч в своей речи к радикальному собранию в Брайтоне, утверждая, что землевладельцы не извлекают из земли столько пользы, сколько требует общественное благо, говорит: «Я желал бы, чтобы нынешнее правительство подвергло голосованию закон об обязательном возделывании земли». Это предложение было встречено сочувственно, и оратор защищал его, приводя в пример обязательную прививку оспы (указывая, таким образом, на влияние прецедентов). И на данном требовании будут настаивать не только вследствие необходимости сделать почву более продуктивной, но также и вследствие потребности дать работу сельскому населению. Когда правительство распространит обычай нанимать безработных для возделывания покинутых земель или земель, приобретенных по низким ценам, мы будем недалеко от той организации, которая по программе демократической федерации должна

следовать за приобретением земель государством, а именно, от организации земледельческих и промышленных армий под контролем правительства и по принципу кооперации.

Если кто-нибудь будет сомневаться, что можно достигнуть таким путем подобного переворота, то есть факты, доказывающие, что это возможно. В Галлии в эпоху упадка римской империи так многочисленны были получающие налоги в сравнении с платящими, так тяжело было бремя налогов, что земледелец не выдержал тяжести взваленных на него обязательств: поля были покинуты и леса выросли там, где прежде проходил плуг. Точно так же перед французской революцией общественные обязательства стали настолько тяжелы, что многие поля оставались невозделанными и многие фермы опустели; четвертая часть всей почвы была совершенно не возделана, а в некоторых провинциях половина земли была под паром. В Англии имели место подобные же факты. При старом законе о бедных налоги поднялись в некоторых приходах до половины суммы доходов, а в некоторых местах фермы оставались без фермеров; в одном месте налоги поглотили даже все, что производила почва.

«В Чолсбюри, в Букингемшире в 1832 г. налог в пользу бедных был внезапно отменен, потому что невозможно было собрать его, так как землевладельцы отказались от своей арендной платы, фермеры от своего найма, а пастор от своего поля и от десятинного сбора в его пользу. Пастор Джестон передает, что в октябре 1832 г. приходские администраторы прекратили свою деятельность, а бедные, собравшись толпой у его дома, в то время как он был еще в постели, стали просить у него совета и пищи. Благодаря собственным, весьма скудным, средствам, благодаря помощи сострадательных соседей и налога на соседние приходы ему удалось некоторое время помогать им».

И комиссары прибавляют, что «добрый пастор советует разделить все земли между способными к работе бедными», в надежде, что если им будут оказывать поддержку в течение двух лет, они будут в состоянии содержать себя сами. Факты эти, подтверждая предсказание, сделанное в парламенте относительно того, что если закон о бедных продержится тридцать лет, то земля останется невозделанной, ясно показывают, что увеличение общественных налогов может привести к обязательному окультуриванию земли под контролем правительства.

Затем следует переход железных дорог в собственность государства, уже совершившийся на большей части материка. В Англии эту систему очень восхваляли несколько лет тому назад, а теперь по почину государственных деятелей и публицистов демократическая федерация снова предлагает «приобретение железных дорог государством с вознаграждением или без него». Очевидно, что совместное давление сверху и снизу приведет к этому изменению, соответствующему господствующей политике, и за ним последуют другие, связанные с нею изменения. Прежние владельцы железнодорожных линий сделались главами большого числа фабрик и заводов, имеющих то или другое отношение к железным дорогам. Стало быть, государство будет вынуждено выкупить и их после покупки железных дорог. Имея уже в

своих руках исключительное управление почтой и телеграфом и готовясь забрать себе также монополию перевозки кладей, государство не только будет перевозить пассажиров, товары и руду, но к различным своим производствам присоединит многие другие. Теперь уже оно не только строит казармы для флота и армии, порты, доки, молы и т. д., оно сооружает суда, производит ружья, льет пушки, изготовляет одежду в обувь для армии, овладеет железными дорогами «с вознаграждением или без него». Как говорят члены демократической федерации, оно будет производить деготь, сало и делается собственником транспортных судов, каменноугольных копей, каменоломен, омнибусов и т. п. Пока же его местные представители, муниципальные управления, во многих местах уже взявшие на себя снабжение водой, газом, завладевшие трамваями, банями, возьмутся и за другие предприятия. Когда государство, таким образом, станет непосредственно или через своих делегатов во главе многочисленных заведений для производства в обширных размерах и оптовой продажи, тогда будут налично хорошие прецеденты для распространения его функций и на розничную продажу по примеру французского правительства, давно уже ведущего мелкую торговлю табаком.

Итак, становится очевидным, что происшедшие и могущие произойти, а также и предложенные изменения приведут нас в конце концов не только к тому, что государство сделается владельцем земель, жилищ и путей сообщения, причем возможности управления и эксплуатации будут завидовать правительственные должностные лица, но и к захвату государством всех отраслей промышленности: частная промышленность, будучи не в силах конкурировать с государством, которое все может устроить сообразно со своими нуждами, мало-помалу исчезнет точно так же, как многие свободные школы исчезли вследствие возникновения школ, поставленных под надзор правительственной власти. Таким образом, будет достигнут идеал социалистов.

Но, двигаясь к идеалу, к которому стремятся вместе с социалистами и так называемые «практические» политики, идеалу, на который социалисты любят взирать с его блестящей стороны, посмотрим и на его темную сторону, от которой они отворачиваются? Вообще, мы замечаем, что люди накануне свадьбы все видят в розовом свете, останавливаясь только на обещаемых браком удовольствиях и вовсе не думая о сопровождающих его неприятностях. Другой пример того же рода — иступленные политики и фанатические революционеры. Пораженные бедствиями, существующими при настоящей организации общества, и не желая приписывать их недостаткам человеческой природы, плохо приспособленной к социальному строю, они воображают, что могут сейчас же помочь злу тем или другим преобразованием. А между тем если бы их планы и удались, то это имело бы место лишь при условии замены одного зла другим. Короткого рассуждения достаточно было бы, чтобы показать им, что с предлагаемыми ими преобразованиями им пришлось бы отказываться от своих вольностей по мере того, как увеличивалось бы их материальное благосостояние.

Ни одной формы кооперации в больших или малых размерах нельзя установить без регламентации, следовательно, без подчинения регулирующим агентам. Даже собственные организации социалистов, имеющих целью социальные изменения, могут служить примером в этом отношении. Кооперация должна иметь свои собрания, своих местных и общих агентов, своих начальников, которым приходится повиноваться во избежание недоразумений и неудач.

Опыт тех, которые горячо восхваляли новый социальный строй под отеческим надзором правительства, показывает, что даже в обществах, организованных по почину частных лиц, власть правящей части становится настолько сильна, что часть подчиненная начинает роптать и отказывается повиноваться. Рабочие ассоциации, осуществляющие против выгод хозяев нечто вроде промышленной войны для защиты интересов рабочих, находят, что пассивное повиновение необходимо, чтобы деятельность их была плодотворна, поскольку разногласия членов только вредят успеху. Даже в кооперативных обществах, производительных или потребительных, где не требуется такого повиновения, как там, где преследуется оборонительная или наступательная цель, управляющие приобретают такое преобладание, что члены начинают жаловаться на «тиранию администрации». Подумайте, что будет, когда вместо сравнительно многочисленных ассоциаций, в которых можно участвовать или не участвовать, по желанию, у нас будет одна национальная ассоциация, в которую будет включен каждый гражданин и из которой ему нельзя будет выйти, не покидая страны. Представьте себе, каково будет при этих условиях самовластие иерархически построенного и централизованного чиновничества, держащего в своих руках средства общины и имеющего в своем распоряжении всю силу, которую оно сочтет необходимой, чтобы заставить выполнять свои декреты и поддерживать то, что оно называет порядком. Нечего удивляться, что Бисмарк выказывает склонность к государственному социализму.

Затем, когда они сознают, — а они должны сознать это, если только подумают о конечных результатах своих проектов, — какую громадную власть будет иметь в руках правящий класс в новом социальном строе, описанном столь великолепными красками, тогда пусть его защитники спросят себя, в каком направлении будет функционировать эта власть. Не останавливаясь исключительно, как они это обыкновенно делают, на материальном благосостоянии и на удовлетворении умственных потребностей, которым должно заняться благодетельное правительство, пусть они обратят внимание на то, какой ценой придется за это заплатить. Чиновники не могут создать необходимых средств — они могут только распределять между индивидами то, что индивиды совместно произвели. Если общественная администрация должна удовлетворять нужды индивидов, то она должна требовать, чтобы индивиды доставляли ей необходимые для того средства. Соглашения между хозяином и рабочим, как при нашей настоящей системе, быть не может, — проект исключает это соглашение. Вместо этого будет приказание, отдаваемое местными властями рабочим, и принятие рабочими назначенной властями

работы. И такова в действительности, хотя, по-видимому, и бессознательно определенная членами демократической федерации, организация. Они действительно предлагают поручить производству «земледельческим и промышленным армиям под контролем государства», забывая, вероятно, что армии обуславливают иерархию офицеров, которые станут требовать повиновения, поскольку иначе не могут быть обеспечены ни порядок, ни производительный труд. Таким образом, индивид подчинится управляющей части нации, как раб своему господину.

«Но правительство было бы господином, назначенным им самим и другими, господином, который, следовательно, всегда должен был бы быть на чеку; господином, который контролировал бы его самого и других лишь настолько, насколько это необходимо для интересов каждого в частности и всех вообще».

На данное возражение прежде всего мы ответим: во-первых, если даже это действительно так, то каждый член общины, как индивид, был бы рабом общины в ее составе. Подобное отношение существовало обычно в воинствующих общинах, даже в почти народных формах правления. В Древней Греции был принят принцип, что гражданин не принадлежит ни себе, ни семейству, а государству, так как государство у греков значило то же, что община. И эта доктрина, приспособленная к государству, где война велась непрерывно, бессознательно вводит теперь социализм в государство, которое должно быть чисто промышленным. Услуги каждого человека будут принадлежать всем вообще, и эти услуги будут оплачиваться властью по ее усмотрению. Следовательно, даже если власть будет столь благодетельная, как нам обещают, рабство, как бы ни была умеренна его форма, будет неизбежным результатом такой организации.

Во-вторых, мы ответим следующее: администрация не долго останется такою, какой нам ее обещают, и переносить рабство будет нелегко. Социалистическое мышление страдает теми же ошибками, как и мышление «практическая» политика: предполагается, что администрация будет действовать так, как этого желают, но этого никогда не бывает. Коммунистический механизм, как и механизм нынешнего социализма, неизбежно зависит от элементов существующей человеческой природы, недостатки которой будут порождать одинаковое зло как в том, так и в другом случае. Любовь к власти, честолюбие, несправедливость, нечестность часто в течение сравнительно недолгого времени являются причиной распада частных организаций. Там же, где их влияние накапливается с каждым поколением, они неизбежно приведут к гораздо большим и гораздо более трудно поправимым бедствиям, поскольку правительственная администрация, более обширная и сложная и снабженная всеми средствами, будет неотразимой, раз она достигнет полного развития и утверждения.

В доказательство того, что периодическое применение избирательного права не устранит данного результата, приведем в пример французское правительство. Народное при своем основании и подвергающееся через ко-

роткие промежутки времени народному суждению, оно тем не менее до такой степени попирает права граждан, что английские делегаты на недавнем конгрессе рабочих ассоциаций говорили: «Это позор для республиканской нации и аномалии в республике». И кончилось бы все это возвращением к деспотизму. Дисциплинированная армия гражданских чинов, как и армия военных чинов, дает высшую власть начальствующему лицу, власть, которая не раз уже вела к самовластию, как в средневековой Европе, а еще более в Японии; мало того, у французов это случилось в весьма недавнее время. Признания господина де-Мопя показали, с какою легкостью глава конституционного государства, избранный целым народом, отдающим ему свое доверие, может с помощью немногих, не особенно щепетильных, личностей обессилить народное представительство и сделаться абсолютным монархом. Мы имеем все основания думать, что те, которые достигли бы власти в социалистической организации, не остановились бы ни перед какими средствами, чтобы осуществить свои цели. Когда совет демократической федерации говорит нам, что акционеры, которые, иногда наживая, но часто и теряя, создали нашу железнодорожную сеть и таким образом способствовали великому развитию национального благосостояния, «наложили руку» на наши пути сообщения, мы можем ответить, что те, кто находились бы во главе социалистической администрации, могли бы дать неправильное толкование правам лиц и классов, стоящих под их властью. И когда члены того же совета утверждают, что государство должно было бы взять в свое владение железные дороги «с возмещением или без него», мы можем предположить, что принципы справедливости не помешали бы вождям идеального и вождяленного общества следовать любой политике, раз только они будут считать ее необходимой, и притом политики, всегда обеспечивающей их преобладание. Достаточно было бы войны с соседним обществом или какого-нибудь внутреннего волнения, требующего подавления силой, чтобы разом преобразить социалистическую администрацию в крайнюю тиранию, подобную тирании древнего Перу. При таком правительстве народная масса, управляемая иерархией должностных лиц и контролируемая во всех внутренних и внешних своих проявлениях, работала бы для того, чтобы содержать организованную группу, сохраняющую в своих руках власть, тогда как ей самой оставалось бы лишь столько средств, чтобы владеть жалкое существование. И затем возвратился бы, только в иной форме, тот государственный режим, та система обязательной кооперации, традиции которой олицетворяет до известной степени старый торизм и к которой возвращает нас новый торизм.

«Но мы будем беречься этих зол, мы примем все предосторожности, чтобы отвратить подобные беды», — скажут, без сомнения, фанатики. Как «практические» политики с их новыми регулирующими мерами, так и коммунисты с их проектами реорганизации труда, ответят одно и то же: «Правда, что подобные проекты потерпели крушение по непредвиденным причинам, или по несчастной случайности, или по недобросовестности тех, которым поручено было их выполнение; но на этот раз мы воспользуемся прежним опытом и достигнем цели». Нет, по-видимому, никакой возможности вбить этим

людям в голову достаточно очевидную истину, что преуспевание общества и доля справедливости в его организации зависят в сущности от характера его членов и что никакой прогресс не может осуществляться без усовершенствований в характере, происходящих от мирного труда, подчиненного правилам хорошо регулируемой социальной жизни. Не только социалисты, но и так называемые либералы, готовящие им путь, думают, что при умении и недостатки человечества могут быть исправлены хорошими учреждениями. Это чистая иллюзия. Каков бы ни был социальный строй, несовершенная природа граждан будет проявляться в их дурных действиях. Такой политической алхимии, с помощью которой можно было бы превращать олово инстинктов в золото поступков, не существует.